

Р. О. Гутенберг

Культовые практики в пространстве повседневности императорских дворцов Петербурга первой четверти XIX в.

На основе архивных документов проанализирована религиозная составляющая культурного пространства императорских дворцов Петербурга первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Таврический дворец, мусульмане, Михайловский замок, повседневность

Roman O. Gutenberg

Cult practices in space of everyday life of Imperial palaces of Saint Petersburg in early 19th century

In the article on the basis on archival documents the religious component of cultural space of Imperial palaces of Saint Petersburg in the first quarter of the 19th century are analyzed.

Keywords: Tauride Palace, Muslims, Mikhailovsky Castle, everyday culture

В первой половине XIX в. наиболее значимые события Петербурга были связаны с жизнью императорских дворцов, являвшихся не только важными политическими, но и культурными центрами города. Так в стенах дворцовых зданий работали выдающиеся деятели искусства, развивалась праздничная и бытовая отечественная культура, собирались литературные, художественные и научные общества и др. При этом основой духовной жизни представителей всех сословий и наций продолжала оставаться церковь и связанные с ее деятельностью культовые практики – ключевые составляющие культурного пространства повседневности резиденций и дворцов российских монархов.

В рамках темы данного исследования на основе документов из центральных российских архивов будут рассматриваться на примере Таврического дворца и Михайловского замка культовые практики христианства (православие) и ислама. Изучение этих культурных явлений позволит не только существенно расширить представление об использовании и функционировании архитектурных ансамблей, их повседневной культуре в целом, но и в некоторой степени раскроет специфику религиозно-культурной жизни города в начале XIX в.

Как хорошо известно, уже в первой половине XVIII столетия основные христианские конфессии имели свои церкви в Санкт-Петербурге. Люди иных вероисповеданий, проживающие в городе, в силу особенностей законов Российской империи были вынуждены проводить богослужения в непригодных для этих целей зданиях. В таком положении оказалась мусульманская община столицы, на протяжении более чем ста лет стремившаяся обрести свой культовый центр.

В научной и краеведческой литературе последнего времени в общих чертах уже обсуждал-

ся вопрос о проведении в залах императорских дворцов мусульманских богослужений¹. Однако, несмотря на вклад внесенный исследователями в изучение этой темы, некоторые ее аспекты еще требуют серьезных уточнений и документального подтверждения представленных в публикациях сведений. Например, без указания источника утверждается об использовании для молений помещений Таврического дворца в царствование Павла I². Это притом, что несколько прошений на имя императора поданных в 1798 и 1799 гг. от проживавших в столице «магометанского закона татар» о предоставлении «казенного дома» для богослужений не получили высочайшего одобрения³. Более того, среди 506 военнослужащих мусульман, поддержавших это обращение, не было ни одного представителя конногвардейского полка, под казармы которого Павел I передал здание в 1799 г.⁴ Так что пока не будет выявлен и опубликован документ, разрешавший проведение обрядов во дворце при Павле Петровиче, говорить о начале такой практики можно только с приходом к власти Александра I.

Среди основных причин, побудивших императора использовать залы Михайловского замка и Таврического дворца в качестве мечетей, краеведы называют «запущенность и ненужность»⁵ или принадлежность к военному ведомству⁶. Такую точку зрения в отношении зданий можно назвать распространенной, но, очевидно, не соответствующей действительности. Представляется, что изучение культовых практик как элементов культуры повседневности императорских дворцов следует начинать с определения статуса этих архитектурных комплексов в начале 1800–1820-х гг. При этом видится необходимым их следующая дифференциация: Таврический дворец – **императорская**

резиденция; Михайловский замок – **императорский дворец.** В широком смысле слова эти понятия не имеют каких-либо различий и употребляются как тождественные, но обращение к документам ведомственного делопроизводства начала XIX в. позволяет иначе взглянуть на эту вполне устоявшуюся точку зрения.

Определяющим и связующим в отношении Таврического дворца и Михайловского замка является их принадлежность императору. Таврический с 1802 г. вновь официально становится резиденцией (резиденция – от лат. *residentia*: *residere* – восседать⁷), т. е. местом постоянного или, как в данном случае, временного пребывания самодержца и его семьи. Именно в таком качестве дворец и просуществовал значительную часть XIX в., пока в 1880 г. не был передан в собственность великого князя Алексея Александровича. Характерные для жизни Двора мероприятия: государственные церемониалы, маскарады, приемы иностранных послов в Таврическом дворце проводили в основном в первой трети XIX в.

По-другому после воцарения Александра I сложилась судьба Михайловского замка. После убийства императора члены царской семьи отказались от мысли сделать его своей резиденцией – ни постоянного, ни временного пребывания там больше не планировалось. Но при этом замок не утратил статус «императорского дворца». Предполагавшаяся еще при жизни Павла I передача дворцово-паркового ансамбля гоф-интендантской конторе состоялась осенью 1801 г.⁸ Закрепление замка за этим придворным ведомством подразумевало его эксплуатацию и жизнеобеспечение проживавших в здании людей в соответствии с правилами и порядками, распространявшимися на все императорские резиденции столицы и ее пригородов⁹. Например, в соответствии с утвержденным 18 декабря 1801 г. штатом центральная резиденция императора – Зимний дворец – обеспечивалась дровами, углем, свечами на счет Придворной конторы, а Таврический дворец, Михайловский замок и др. – гоф-интендантской. Расходы по жизнеобеспечению Таврического дворца ложились на Придворную контору в том случае, когда там предполагалось высочайшее присутствие или размещение особ, «коих трактование зависело от Высочайшего Двора». Жизнеобеспечение Зимнего дворца, где в основном и находилась царская семья, было обязанностью нескольких ведомств – гоф-интендантского (ремонт зданий), придворной конторы (пища), императорского кабинета (вещи)¹⁰. Замок, переданный в ведение гоф-интендантской конторы, снабжался только за ее счет. Впрочем, известны случаи, когда некоторые его жильцы получали необходимые для обстановки квартир вещи прямо из императорского Кабинета¹¹.

Замок утратил царский статус только осенью 1822 г., когда из придворного ведомства был передан в Военное министерство. С этого времени его жизнедеятельность, повседневный уклад, обстановка помещений и территория претерпели существенные изменения.

Безусловно, одной из ключевых составляющих религиозной жизни императорских дворцов была работа подчинявшихся придворному ведомству храмов: Таврического дворца – Воздвижения Честного Креста (службы возобновились в 1803 г.)¹² и Михайловского замка – Св. Архангела Михаила (службы возобновились в 1802 г.)¹³.

В начале XIX в. храм Воздвижения Честного Креста регулярно посещали не только лица императорской фамилии. Данные метрических книг указывают на всесословный контингент верующих, которые выражая свою принадлежность к восточно-христианской традиции, крестили здесь детей, отпевали умерших и венчались. Например, с 1807 по 1809 г. в церкви Таврического дворца были крещены 40 разного пола младенцев, повенчаны 8 пар, отпеты 20 человек¹⁴.

Церковь Св. Архангела Михаила до 1822 г. также находилась в придворном подчинении. В официальных документах исследуемого периода сведения о посещении храма императорской семьей не встречаются. В основном на службы приходили представители различных сословий, живших в зданиях Михайловского замка (дворец, павильоны, большой и малый кухонный корпус и др.). О том, что церковь функционировала полнокровно, свидетельствует «Журнал для записи высочайших распоряжений о церковных службах»¹⁵ и данные метрических книг дворцовых соборов¹⁶.

Таким образом, в 1800–1810-е гг. внеповседневная и повседневная жизнь и культура Михайловского замка и Таврического дворца складывалась и развивалась в рамках традиций и порядков, характерных, с одной стороны, для императорского двора, и регламентировалась монархом через руководство придворных ведомств, с другой – протекала в тесной связи с событиями и явлениями столичной жизни.

Как известно, Александровское правление характеризуется либерализацией общественной жизни страны: организация клубов, кружков и обществ различной направленности, включая и религиозные, становится неотъемлемой частью культурной среды больших городов и прежде всего Петербурга. Однако, в первую очередь, как справедливо считает И. К. Загидуллин, фактором реализации «толерантного внутриполитического курса правительства», направляемого императором и свидетельствующего о веротерпимом отношении, являлось размещение в пределах столицы всех дипломатических представительств¹⁷.

В связи с чем игнорировать духовные потребности подданных многонациональной державы и все более увеличивающейся мусульманской общины Петербурга было уже невозможно.

К началу 1820-х гг. в городе, по приблизительным подсчетам современников, проживали около 2000 человек мусульманского вероисповедания¹⁸. Среди них бухарцы, киргизы и, как следует из медико-топографического описания Петербурга – «600 грузинцев и татар». Почти во всех документах, касающихся проведения мусульманских молений во дворцах, речь идет именно о татарах, которые уже с первых лет основания города влились в его многонациональную среду.

Первые сведения, указывающие на то, что культурное пространство повседневности дворцов наполняется новыми ценностями и смыслами, относятся к 1803 г. В реестре высочайших повелений за январь говорится «об отводе для богослужения находящимся здесь татарам места в Таврическом дворце или его принадлежностях»¹⁹. Аналогичное распоряжение в отношении Михайловского замка было объявлено в марте 1804 г.²⁰

В дворцовых залах проводили службы в течение трех дней в период важнейших мусульманских праздников – Рамадана и Курбан-байрама. Как следует из письма военного генерал-губернатора города, незадолго до торжественного события «общество разного звания людей» мусульманского вероисповедания обращалось к нему с просьбой о «позволении им <...> совершить соборное богослужение по их закону и на то время отпустить накануне помянутого дня всех военнослужащих татар»²¹. Несмотря на то, что точные данные о количестве явившихся во дворцы мусульман в документах отсутствуют, сами залы позволяют сделать предположение о многочисленности этих собраний.

В 1822 г. в Таврическом дворце богослужения дважды прошли в его самом просторном помещении – Большой галерее²², площадь которой достигает 1000 м². По образному выражению Г. Р. Державина, эта была «длинная овальная зала, или, лучше сказать, площадь, пять тысяч человек вместишь в себя удобная». Трудно сказать, стали ли моления в этой резиденции ежегодными, но с полным основанием можно утверждать, что они проходили и в начале 1800–1820-х гг.²³

Масштабными позволительно назвать и собрания мусульман в Михайловском замке, где с 1804 по 1819 г. их стали проводить регулярно²⁴. Как следует из записки смотрителя А. М. Козлянинова, «для отправления магометанам по их обряду Богослужения всегда отводятся <...> комнаты, так называемые передняя, столовая, гостиная и малая тронная, кои и теперь никем не заняты»²⁵. Речь идет о четырех бывших личных и парадных

помещениях императрицы Марии Федоровны, общая площадь которых равняется 450 м². С учетом того, что в залы не выставляли скамейки и люди молились сидя на полу, количество приходивших во дворец достигало приблизительно 500–600 человек. В данном случае это могли быть не только военные-мусульмане: в замке постоянно жили татары из Касимовского уезда, бывшие на службе у проживавших в здании вельмож.

Одной из существенных особенностей залов Михайловского замка и Таврического дворца является их изысканный декор, включающий лепное и живописное оформление. Характер росписи перекрытия Большой галереи, выполненной художником Ф. А. Щербатовым в 1802 г. в настоящее время еще остается невыясненным. Однако в результате проведенных Д.-Б. Скотти в 1820 г. живописных работ потолок зала украсило «гризайльное» изображение, состоящее из растительных элементов, маскаронов, ангелов, голов античных воинов, мифологических зооморфных фигур. В художественное убранство покоев императрицы в замке также были включены антропоморфные и анималистические образы. Наличие таких элементов наглядно свидетельствует о том, что нарушался один из важнейших запретов культовой практики ислама – воспроизведение живых существ в религиозных объектах.

Пока невозможно с точностью определить личную степень участия руководства общины в выборе дворцовых залов, предназначенных для проведения собраний. В основном тон официальной переписки свидетельствует в пользу того, что им приходилось довольствоваться комнатами «в том самом месте, которое и прежде им отводимо было под богослужения свои»²⁶, т. е. верующие, видимо, были лишены возможности сами выбирать наиболее подходящие для этой цели помещения. Но и такую точку зрения нельзя рассматривать как единственную. Например, из документов Гвардейской казарменной комиссии мы узнаем о том, что, когда в 1821 г. в казармах лейб-гвардии Павловского полка выделили место для «магометанского богослужения», выбор залов осуществлял духовный глава общины – мулла²⁷. В любом случае для верующих «казенные удобные комнаты» – это не исполненные по канонам мусульманской культовой архитектуры сооружения, а временное пристанище, объединившее близких по религиозной и этнической принадлежности людей.

О том, как проходили эти собрания в стенах дворцов, какие повседневные действия и заботы сопутствовали их исполнению, в официальных документах сведений нет. Одним из немногих косвенных свидетельств, позволяющих реконструировать обстановку мусульманских богослужений, являются «Современные петербургские летописи» П. Свины-

на, напечатанные в 1820 г. В июньской хронике он пишет о том, что ранее бывшие в Михайловском замке публичные моления «по случаю окончания великого поста своего Рамазана» отправляют в нынешнее время разного звания татары, бухарцы, киргизы в зале бывшего Филармонического общества рядом с Казанским мостом. Начинаясь эта четырехчасовая служба в 6 утра. Обряд совершал мулла Хатип. По заверению П. Свинына, «читанное Муллою поучение из Алкорана относилось до следующих истин: любить Бога, Государя Императора, повиноваться их законам, любить ближнего, не красть, не обращаться в пьянство, не обманывать, друг на друга не злобствовать, не прелюбодействовать, а торговцам – не обмеривать и не обвешивать»²⁸.

В начале 1820-х гг. практика предоставления залов мусульманской общине города в императорских дворцах прекращает свое существование. Последнее богослужение в Михайловском замке состоялось в 1819 г. в связи с тем, что залы, ранее предназначенные для молений, передали Главному инженерному училищу. Вслед за этим министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын требовал от военного генерал-губернатора столицы, чтобы он вновь отвел «магометанам удобных комнат для отправления богослужения». В результате доклада императору было получено разрешение собираться в Михайловском эзерциргаузе²⁹. Однако собрания в этом здании были непродолжительными, так как в 1824 г. архитектурный комплекс, включая манеж и конюшни, полностью передают Военному министерству.

Летом 1822 г. состоялось последнее богослужение в Большой галерее Таврического дворца. Высокий статус здания требовал его эксплуатации в соответствии с реалиями придворной жизни. В связи с чем парадные залы резиденции стали готовить для проведения масштабного светского развлекательного мероприятия, праздничное оформление от которого находилось на местах вплоть до коронации Николая I.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что предоставление Александром I дворцовых залов членам мусульманской уммы столицы позволило заполнить существенную лауну в религиозно-культурной жизни города. В качестве одной из ключевых причин, побудивших императора выделить для этой цели парадные помещения в собственных дворцах, помимо факторов связанных с расположением в столице дипломатических представительств, следует назвать стремление царской семьи к экономии государственной казны. Этот принцип в рамках закона возвел в конце XVIII столетия Павел I, утвердив его одним из пунктов «Учреждения об императорской фамилии». В дальнейшем в разной степени ему пытались следовать и самодержавные потомки. В данном случае аренда

залов, способных вместить большое количество людей в центре Петербурга во время продолжительных военных кампаний, могла бы обременить и без того ослабленную экономику страны.

Подводя итоги исследования, также необходимо указать на то, что изучение культурных практик в качестве основных элементов культуры повседневности российских императорских дворцов XVIII–XIX вв. является актуальной научной проблемой, для разрешения которой потребуются серьезные архивные изыскания и использование различных методологических подходов, позволяющих выявить как общие явления и закономерности, так и локальную специфику дворцовой жизни и культуры.

Примечания

¹ Загидуллин И. К. Мусульманские богослужения в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2006. 462 с.; Тагирджанова А. Н. Татарское подворье в Санкт-Петербурге – идея, реализованная столетие спустя // История Петербурга. 2005. № 1. С. 24–26.

² Загидуллин И. К. Указ. соч. С. 75; Тагирджанова А. Н. Сто лет между замыслом и его воплощением: когда и как в Петербурге мечеть строилась // Татарский мир. 2005. № 3. URL: <http://tatworld.ru> (дата обращения: 29.06.2017).

³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1112. Л. 1; Д. 1798. Л. 38 об.

⁴ Там же. Л. 15–20.

⁵ Тагирджанова А. Н. Татарское подворье в Санкт-Петербурге. С. 25.

⁶ Ее же. Мусульмане в жизни и культуре Петербурга, XVIII–XIX вв.. СПб.: Полторак, 2013. С. 13.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. С. 462.

⁸ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 201. 1801 г. Л. 146.

⁹ Там же. Ф. 471. Оп. 1. Д. 732. 1817 г. Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Ф. 472. Оп. 1. Д. 709. 1829 г. Л. 12.

¹¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61713. 1801 г. Л. 2.

¹² РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 10. 1797–1810 гг. Л. 46.

¹³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61710. 1801 г. Л. 1–36 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 29. 1807–1809 гг. Л. 15 об., 55, 95 об.

¹⁵ Там же. Д. 10. 1797–1810 гг. Л. 74 об., Л. 86.

¹⁶ Там же. Д. 32. 1801–1822 гг. Л. 14.

¹⁷ Загидуллин И. К. Указ. соч. С. 75.

¹⁸ Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 110.

¹⁹ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 209. 1801–1808 гг. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 1020. 1817 г. Л. 248.

²² Там же. Оп. 3 (145/579 б). Д. 169. 1822 г. Л. 1–3.

²³ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 209. 1801–1808 гг. Л. 1 об.; РГВИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 23. 1811–1817 гг. Л. 6; РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (145/579 б). Д. 169. 1822 г. Л. 1–3.

²⁴ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 209. 1801–1808 гг. Л. 2 об.–9.; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 225. 1808–1819 гг. Л. 11, 106.; РГВИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 23. 1811–1817 гг. Л. 1–8 об.

²⁵ РГВИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 42. 1814–1819 гг. Л. 12.

²⁶ Там же. Оп. 7. Д. 23. 1811–1817 гг. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. 16217. Оп. 1. Д. 9. 1821 г. Л. 7.

²⁸ Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 111.

²⁹ РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (133/567). Д. 14. 1820 г. Л. 9–10.